

В. ПОЗНЕР

„НЕОГЕГЕЛЬЯНСКАЯ“
РАЗНОВИДНОСТЬ
СОЦИАЛ-ФАШИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

(ЗИГФРИД МАРК И ЕГО
„КРИТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА“)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1933 Ленинград

I. ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕГЕЛЬЯНСТВА В БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Обострение и углубление всеобщего кризиса капитализма отражается в идеологической области в форме обострения кризиса буржуазной науки, величайшего разброда в области философии и окончательного поворота буржуазной философии к мистике и поповщине. Все виднейшие представители современной буржуазной философии прежде всего констатируют кризис господствовавшего до сих пор неокантианства, поворот к неогегельянству и находящейся с ним в тесном родстве «философии жизни» и «философии существования» («Existenzphilosophie»).

Известный представитель неокантианства—Вильгельм Виндельбанд—еще в 1910 г. констатирует факт «возрождения гегельянства»², который «повсюду вызывает некоторое удивление», и пытается выяснить причины, вызвавшие поворот в философском мире. Другой неокантианец—Г. Глокнер—признает, что «недавно еще пользовавшееся громадным уважением неокантианство ныне принадлежит к наиболее порицаемым философским явлениям недавнего прошлого»³; он громко заявляет о «кризисе неокантианства», о том, что «неокантианство вообще представляет собою законченную и принадлежащую истории эпоху»⁴.

Об этом же трактует и один из наиболее крупных немецких неогегельянцев—Р. Кронер, который в своем труде «От Канта до Гегеля» также заявляет о том, что «современное кантианство вступило в полосу кризиса»⁵.

Редактор А. Ческис

Техн. редактор Р. Шапиро

Сдано в производство 1/VII 33 г. Подписано к печати 21/X 33 г. Огиз с-31 № 1190.
Заказ № 862; формат 82×111/32; 23/4 п. л.; 41760 знаков в п. л., тираж 20 000 экз.
Уполномочен. Главлита Б—33670. Отпечатано в 16-й типографии треста «Полиграф-книга», Москва Трехпрудный пер., 9.

¹ Настоящая брошюра представляет собой обработанную стенограмму доклада в Институте философии Комкадемии в 1932 г.

² W. Windelband, Präludien, B. I. Die Erneuerung des Hegelianismus, S. 276.

³ H. Glockner, Hegelrenaissance und Neuhegelianismus, Logos, 1931, H. 2, S. 173.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ R. Kroner, Von Kant bis Hegel, B. I, S. 27.

Такое же единодушие наблюдается у этих теоретиков, когда они дают ответ на вопрос, почему кантианство перестало удовлетворять современное поколение буржуазных идеологов, почему повсюду наметился резкий поворот к неогегельянству и его разновидностям. Виндельбанд видит эту причину в «жажде мирозерцания, которая охватила наше молодое поколение и удовлетворение которой оно ищет у Гегеля»¹, в «тоске по сознанию общего смысла всей действительности», в призыве «к философии воли и действия», который раздается из глубины «взволнованной и раздираемой страстями умственной жизни»². Р. Кронер считает тягу к метафизике одной из наиболее характерных черт современного (читай: буржуазного.—В. П.) умственного движения: «Научный дух начинает с лихорадочным напряжением направляться на центральные проблемы мирозерцания. ... Ни для кого не секрет, что наше время стремится к научному разрешению метафизических проблем, что оно стремится основать свою родину в недрах мыслящего духа, создать отвечающее ему логическое выражение чувства жизни и мира»³. Все эти высказывания виднейших представителей буржуазной философии достаточно ярко рисуют поворот буржуазных идеологов к метафизике, к религии, к иррациональному; а этот поворот легко расшифровывается как жажда сильной власти, «национального», «надклассового» фашистского государства, отрицающего классовое деление общества и признающего лишь сословия.

В соответствии с этим первым мотивом поворота к крупнейшей метафизической системе буржуазной философии находится тесно связанный с ним второй мотив—использование диалектики в целях приспособления ее к фашистской политике. Легко можно установить, что в неогегельянском лагере есть две линии в отношении к гегелевской диалектике. Если умеренная фракция неогегельянцев продолжает еще рассматривать диалектику как примирительницу противоречий, то другая, откровенно фашистская фракция; со всей решительностью подчеркивает непримиримость противоречий и развивает идеи трагической диалектики. Сюда относятся проблемы «трагического конфликта», «героической жизни» и «целостности» жизни, причем «грех разбеднения карается смертью»⁴. Поэтому если одни из теоретиков неогегельянства продолжают еще придерживаться «демократии» и «плюрализма партийного государства» (Кронер), то другие без всяких оговорок стоят за фашистскую диктатуру,

за «целостность» государства, за кровавое подавление противников фашистской диктатуры. Буржуазная философия отвернулась от неокантианства потому, что оно было пригодно лишь на стадии относительно «мирного» развития капитализма для проповеди примирения классовых противоречий. На империалистической же стадии развития капитализма неокантианство уже непригодно для теоретического обобщения классовых задач буржуазии: неогегельянство обещает дать лучшее обоснование новым запросам в форме учения об абсолютном духе (германского национализма), о государстве как действительности нравственной идеи, о диалектике в форме субъективной диалектики и трагической диалектики фашистского «героического» волюнтаризма.

Теоретические корни фашистской философии заложены в «философии жизни» (В. Дильтей, Шпрангер, Гуссерль, Литт, Фрейер, Трельч) и в ее разновидности «философии существования» («Existenzphilosophie»). Тесная связь этой философии с фашистскими теориями права и государства и с теоретическим обоснованием фашистской политики у одних легко обнаруживается под оболочкой философской фразеологии, у других—прямо и открыто декларируется.

Среди этих «философов жизни» особый интерес представляет Ганс Фрейер потому, что он вполне откровенно демонстрирует тесную связь между философскими установками этой школы и ее фашистскими целями. В своей «теории объективного духа» этот философ становится на позиции гегелевской системы. Особенно же он приближается к ней в своем труде о «Государстве», где государство объявляется абсолютной целью культуры. Этот фашистский характер воззрений «философа жизни» не может быть скрыт и затушеван представителем «левого» социал-фашизма—Зигфридом Марком, который по поводу работы Г. Фрейера «Революция справа» заявляет: «В качестве революционной справа выдвигается народная революция, противопоставляемая классовой революции слева... Фрейер (и тот круг, представителем которого он является) совершенно несомненно добивается некоторого «сверхфашизма»... Никим образом нельзя отрицать, что в данном случае высоко стоящие в интеллектуальном отношении люди пытаются серьезно отнестись к идее фашизма, так сказать, дать ему честную идеологию и одухотворить его»¹.

В этих «размышлениях» Э. Марка характерно как самое признание фашистской природы «философии жизни», так и рас-

¹ W. Windelband, цит. соч., стр. 270.

² Там же, соч., стр. 288.

³ R. Kroner, цит. соч. стр. 24.

⁴ H. Glockner, цит. соч., стр. 258.

¹ S. Marek, Überfaschismus? Betrachtungen zu H. Freyers, Revolution von rechts, «Die Gesellschaft» № 11, 1931.

паркивание «левого» социал-фашиста перед «серьезными попытками дать фашизму честную идеологию и одухотворить его».

Самое подробное описание всех этих новых явлений и тенденций современной буржуазной философии и их классификация (а этим и занимается Э. Марк на протяжении всего первого тома своего труда о современной философии) совершенно не объясняют причин, породивших эти изменения, не раскрывают связи между этими идеологическими течениями, с одной стороны, и положением и интересами классовых групп—с другой. Для буржуазного историка философии (каковым по существу является социал-демократический философ Э. Марк) все эти разнообразные течения являются лишь продуктом саморазвития духа, независимо от того, имеет ли он в виду «абсолютный дух» классического немецкого идеализма или ограниченные интеллекты профессоров и доцентов германских университетов.

Только подлинный марксистский анализ этих явлений дает возможность вскрыть их классовую сущность, обнажить действительные причины тех глубоких изменений в философских направлениях, которые ставят втушик представителя буржуазной историко-философской мысли.

В связи с обострением классовых противоречий, в связи с переходом капитализма в его последнюю стадию буржуазия делает последнюю и решительную ставку на фашизм против пролетарской революции, за буржуазный выход из капиталистического кризиса, и эта ее политическая задача находит отражение и в области идеологической, в области философии. При этом разнообразие философских направлений является отражением различия интересов отдельных групп и противоречий внутри буржуазного лагеря.

Что касается социал-демократии, то в связи с обострением противоречий, в связи с развалом старых буржуазных партий происходит значительная перегруппировка и в ее рядах. Часть социал-демократических рабочих переходит в лагерь коммунизма; внутри социал-демократии образуется целый ряд новых группировок и фракций. Социал-демократия, будучи опорой империализма в рядах рабочего класса, агентурой буржуазии, ставит своей задачей лечение капитализма и спасение его от пролетарской революции. Поэтому в своей идеологии, в своих теоретических построениях она отражает процесс фашизации, происходящий в буржуазной философии, являясь и здесь—в области теории—как и в политике, умеренным крылом фашизма.

Но эта социал-фашистская философия создается не однообразно—она проявляется в сложных формах. На этом этапе для удержания революционных рабочих под своим влиянием уже недостаточны старые социал-фашистские проповеди.

Такой теоретик, как Каутский, вдохновитель контрреволюционных происков против коммунизма, махровые правые группы «молодых», «новой оппозиции», уже не отвечают задачам политического маневрирования. Социал-демократия вынуждена оперировать не только своим правым контрреволюционным крылом,—ей нужно и «левое» крыло, нужно маневрирование этим «левым» крылом для более тонкого обмана рабочих. «Левая» социал-демократия, играющая пацифистской, а иногда даже и революционной фразой, на деле выступает против рабочих, в особенности в самые критические моменты... и является поэтому наиболее опасной фракцией социал-демократических партий» (из программы Коминтерна).

Политика «левых» социал-демократических вождей заключается в том, чтобы «маскировать и прикрывать явный союз с буржуазией с помощью псевдорадикальных лозунгов, удерживать рабочих от классовой борьбы при помощи более тонко построенной, более завуалированной, но в силу этого еще более опасной пропаганды и таким образом спасти социал-демократию» (резолюция XI съезда компартии Германии).

Из «теоретиков» «левых» социал-фашистов больше всех заслуживают внимания Макс Адлер и Зигфрид Марк.

Различие между ними в области теоретической, в области философского обоснования их позиций заключается в том, что Макс Адлер целиком и полностью развивает свои философские построения в духе эпигонского неокантианства (что конечно не означает отсутствия у него элементов махизма и эклектизма), Марк же отражает поворот в современной буржуазной философии от выдохшегося неокантианства к модернизированному и приспособленному к запросам фашизирующейся буржуазии неогегельянству.

II. ФИЛОСОФСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ЗИГФРИДА МАРКА

(Из литературной биографии философа «левого» социал-фашизма)

Фигура «левого» социал-фашиста, сотрудника боевых органов австромарксизма, виднейшего теоретика и философа, бреславльского профессора Зигфрида Марка тем более должна привлечь наше внимание, что в нем ярко выражены все характернейшие политические и теоретические черты «левого» социал-фашизма, а в его философских трудах отчетливо выявлены философские основы фашистского перерождения социал-демократической идеологии.

Было бы неправильно рассматривать Зигфрида Марка как кабинетного ученого, как теоретика, оторванного от жизни и политической борьбы. Данные его биографии говорят о том, что его внимание равномерно распределяется между вопросами философии и политики, и если его основные теоретические интересы лежат в области теории познания, то это не мешает ему уделять достаточное внимание вопросам политики. Более того, он сам признает своей основной задачей подведение теоретического фундамента под политическую практику социал-демократии.

Уже простой перечень его трудов подтверждает это положение, так как в нем наряду с самыми абстрактными философскими темами мы встречаем не меньшее количество работ, посвященных политическим вопросам.

Действительно З. Марк систематически увязывает философию с политикой, свою ученую и преподавательскую деятельность с политической пропагандой и практической политикой. В этом отношении интересна та внутренняя связь, которая обнаруживается между гносеологическими и методологическими установками, с одной стороны, и политическими чаяниями — с другой. Необходимо проследить, каким образом самые отвлеченные и абстрактные проблемы теории познания и методоло-

гии целиком и совершенно откровенно служат классовым целям. Мы видели уже, что теоретики «левого» крыла социал-демократии ставят своей задачей удержать влияние социал-демократии на пролетариат путем подновления своего теоретического вооружения, нахождения новых методов и форм воздействия на умы рабочих, методов, лучше отвечающих задачам новой политической обстановки.

Если до последнего времени этим целям вполне соответствовало в области философии неокантианство, то теперь в связи с фашизацией буржуазной идеологии намечается заметный поворот как буржуазной философии (о чем речь была выше), так вместе с тем и ее социал-фашистских подголосков к неогегельянству. Зигфрид Марк, один из теоретиков левых социал-фашистов, поставил своей задачей дополнить неокантианство кантианизированной субъективной «критической» диалектикой, как он выражается, с целью слияния воедино неокантианства и неогегельянства. С этой задачей Марк тесно связывает и другую задачу, не менее важную для социал-фашизма, — систематическое извращение марксизма, борьбу с марксизмом-ленинизмом, под прикрытием самых радикальных, самых «левых» «марксистских» фраз.

Прежде чем перейти к исследованию основ философии Зигфрида Марка, его «критической» диалектики, необходимо определить его общую философскую физиономию, ознакомиться с его основными философскими установками и с его философской родословной. Называя себя продолжателем дела Маркса, Марк полностью и целиком отмежевывается от материализма и объявляет себя приверженцем идеалистической философии. В своей автобиографии этот выученик буржуазной философии выражает свою «глубокую благодарность всем уважаемым учителям», содействовавшим его образованию, «господам профессорам и доцентам: Баумгартнеру, Кассперу, Кону, Генигсвальду, Риккерт, Рилу, Зиммелю» и ряду других видных представителей идеалистической философии, причем ни одним словом не оговаривается о своем интересе, знакомстве или влиянии на него материалистической философии и марксизма.

Уже в первом произведении Марка с полной рельефностью выявляются все основные установки и философские симпатии автора. В своем произведении, касающемся Платона, в своей диссертации, он говорит: «Установив бытие небытия, Платон достиг вершины своей теоретико-познавательной критики; одним ударом он устранил этим смелым парадоксом трудности своего учения об идеях и подтвердил плодотворность идеализма для опыта, поскольку это вообще было возможно на почве философии и науки его времени. Этим он дал логическое обосно-

вание самой зрелой формы греческого учения о бытии—делу Демокрита. Если этот последний постулировал сущее небытие, то это еще не было идеалистическим преобразованием элеатизма, но он мыслил небытие реалистически, как пустое пространство. Но это преобразование шло в направлении идеализма, так как оно происходило из самых глубоких потребностей науки. А методический идеализм представляет собой высокую «экономию» в науке... Это (т. е. перевод демокритовских принципов на язык платоновских идей.—В. П.) характеризует весь громадный переворот, который был начат трудом Сократа, а именно,—вместо атомов и пустого пространства была завоевана корреляция понятий бытия и небытия».

В этих положениях уже ясно вырисовываются следующие установки будущего идейного вождя «левого» социал-фашизма: смазывание и затушевывание непримиримой борьбы идеализма с материализмом, в частности сознательное умолчание о той ненависти, которую питал Платон к материализму, насквозь фальшивое утверждение, что Платон «завершил дело Демокрита», и наконец его принципиальный дуализм, учение о корреляции—методологической основе его «критической» диалектики.

Начиная с этого первого своего произведения, Марк на протяжении двух десятков лет равномерно распределяет свое внимание между вопросами философии и политики, между задачами извращения марксизма и задачей философского оправдания оппортунизма как в его ревизионистской форме, так и в «левой» радикальной форме,—все это с единой целью защиты идеалистической философии, защиты и закрепления устоев буржуазного общества.

Основным философским трудом Марка является его работа «Диалектика в философии современности», в которой со всей обстоятельностью изложена его теория «критической» диалектики. Но прежде чем приступить к анализу этой теории, следует дать сводку его заявлений, характеризующих его общую философскую физиономию.

Из этих многочисленных прямых заявлений философа явствует, что перед нами—заурядный субъективный идеалист неокантианского типа, отдающий обильную дань софистике и эклектике, идеалист, открыто высказывающийся за дуализм в философии против монизма, идеалист, солидарный с самой неприкрытой поповщиной.

В центральной главе своего основного философского труда («Диалектика в философии современности»), которая посвящена «систематическому изложению понятий критической диалектики», Марк заявляет: «Диалектика самосознания выступает в критической диалектике как центральный пункт. Фундамен-

тальная роль психологии для критической диалектики уясняет это в достаточной мере. Это имеет свое последнее основание в том, что самосознание, о котором здесь идет речь, это наше самосознание, которое означает доступное в опыте Я»¹. Правда, это достаточно ясное признание в дальнейшем запутывается нагромождением самых утонченных рассуждений о том, что «данное независимо от сознания и все же воспринимается лишь в отношении к сознанию»².

Два положения представляют два краеугольных камня критического идеализма в формулировке Марка: первое—его дуалистическое положение о корреляции основных понятий, и второе—его определение «данного», или «Gegebenheit». Последнее представляет собою тень кантовской «вещи в себе» в ее воздействии на органы чувств, т. е. материал чувственного опыта.

Всякий раз, когда Марк возвращается к вопросу о природе «данного», он настойчиво подчеркивает, что это «данное» постигаемо лишь в его отношении к сознанию. Нетрудно видеть, что это «данное», независимое от сознания и доступное пониманию лишь в его отношении к сознанию, есть не что иное, как бледная тень сублимированной и, как мы увидим из дальнейшего, берлинизированной кантовской «вещи в себе». И если эта последняя, представлявшая материалистический элемент в философии Канта, не мешала тому, что эта философия в конечном счете была, как уже показал Гегель, субъективным идеализмом, тем более это справедливо по отношению к неокантианству и его приверженцу Зигфриду Марку, который самым старательным образом очищает свои философские построения от каких бы то ни было следов материализма. Чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений, Марк сам неоднократно подчеркивает, что в его философии нет места объективно существующему, независимому от сознания материальному миру. «Рациональное оформление многообразного,—говорит он,—а вместе с тем дальнейшее его оформление осуществляется на основе тождества понятия предмета и понятия процесса познания» (Erkenntnisvollzug)³. Как это положение, подчеркнутое самим автором, так и его старания доказать, что «предметность эквивалентна мыслимости», представляют одно из многочисленных свидетельств субъективного характера его философии.

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Zweiter Halbband, 1931, S. 97.

² Там же, стр. 100.

³ S. Marck, цит. соч., стр. 102. Erkenntnisvollzug—познание как результат (итог познания).

Дуалистический характер методологии Марка подчеркивается и самым обстоятельным образом обосновывается им, причем в этом дуализме Марк видит преимущество его «критической» диалектики перед диалектикой Гегеля, и на этом дуализме он строит свое учение о «корреляции». Полемизируя с гегелевским абсолютным идеализмом, он заявляет: «Безостаточному слиянию сознания и предмета может быть лишь противопоставлена сама в себе покоящаяся и не нуждающаяся ни в каком дальнейшем доказательстве очевидность изначальной корреляции сознания и предмета»¹.

Высказываясь за субъективный идеализм, дуализм и агностицизм («абсолютное-непознаваемое»), Марк всецело примыкает к Канту, но вместе с тем всячески стремится пополнить и обновить кантианство при помощи «критически» (т. е. в духе кантовского субъективизма) переработанной гегелевской диалектики. «Если мы отклоняем гегелевскую философию в целом и при очной ставке решаем вопрос окончательно в пользу Канта, то в заключение необходимо собрать воедино взгляды Гегеля, сохраняющие длительное значение для обоснования философии»².

Для завершения характеристики философского мирозерцания этого представителя «левого» крыла социал-демократии следует поставить вопрос об его отношении к религии. Марк не только не скрывает, но с видимым удовлетворением подчеркивает связь «критической» диалектики с «религиозной догматикой». Разбирая произведения двух представителей «диалектической теологии», Прживары и Вуста, Марк заявляет: «У них обнаруживаются поразительно родственные черты с критической диалектикой, которые особенно выступают благодаря монадохологическому характеру их философствования»³. Дальнейшие признания Марка не оставляют желать ничего большего. Позорное клеймо поповщины на лбу критической диалектики захватывает всю его физиономию. «Критицизм и идея сотворенности (Kreatürlichkeit), критически понятая монада и подобие (Ebenbild), единство в напряжении против единства слияния—в этих пунктах без сомнения обнаруживаются точки соприкосновения между теистической метафизикой и диалектическим критицизмом»⁴.

Дальше еще яснее: «Предметом рационального познания и для них не является абсолютное. Оно в качестве надпротиворечивого доступно лишь откровению. Противоположность интел-

лектуалистической метафизике фактически сильнее соединяет теистическую метафизику с критицизмом, чем их разделяет внефилософская или стоящая на грани философии позиция по отношению к откровению и вере»¹.

Этим не ограничиваются экскурсии критического философа в область богословия и теистической метафизики. Противопоставляя Гегеля и Канта, Марк все преимущества усматривает у первого, в особенности в богословских вопросах: «В концепции Канта мы чтим бога путем выполнения нравственных обязанностей, в которые мы верим как в его заповеди... В рационалистической метафизике не устанавливается никакого ясного отношения человека к богу»². Упрекая Гегеля за рационализм, он спускается до последнего предела теистического пресмыкательства: «Неудача гегелевской попытки (познать абсолютное) показывает явственно, что мы остаемся творениями, которые могут лишь верить в творца, но не познавать его»³.

Все это характеризует Марка как одного из бесконечной плеяды профессоров и доцентов идеалистической буржуазной философии, представителя одной из современных школок, занятых синтезированием Канта и Гегеля по социальному заказу и на потребу фашизирующей буржуазии эпохи всеобщего кризиса капитализма.

Но перед нами не просто один из бесчисленных представителей профессорской немецкой буржуазной философии, а один из признанных теоретических вождей «левого» социал-фашизма, усиленно рядящихся в марксистские одежды, один из мастеров по части революционной фразеологии, один из типичнейших агентов буржуазии в рядах рабочего класса. Его философская деятельность представляет поэтому для нас особый интерес. На ней мы можем проследить всю тонкую работу изготовления духовного дурмана для отравления классового сознания пролетариата. Самым важным приемом этого «левого» социал-фашиста является систематическое извращение марксизма-ленинизма с целью доказать его «ненаучность», «метафизичность», «грубую материалистичность», неприемлемую для утонченного западноевропейского мышления. С этим приемом следует познакомиться ближе.

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, zweiter Halbband, 1931, S. 95.

² S. Marck, Kant und Hegel, 1917, S. 91.

³ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, S. 170.

⁴ Там же, стр. 173.

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Zweiter Halbband, 1931, S. 173.

² S. Marck, Kant und Hegel, S. 80, 90.

Там же.

III. ИЗВРАЩЕНИЕ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Необходимо с самого начала предупредить возможное недоумение. Марк заявляет себя сторонником марксизма и противником ленинизма. Каким же образом его можно уличать в одновременном извращении и фальсификации и марксизма и ленинизма? Суть дела, разумеется, очень проста. Марк извращает и фальсифицирует марксизм, «защищая» его; то же он проделывает с ленинизмом, борясь с ним. Уже самое разделение марксизма-ленинизма и противопоставление их друг другу есть не что иное, как одна из форм социал-фашистского извращения марксизма.

Первым шагом в деле извращения марксизма с целью приспособления марксистской фразеологии к социал-фашистской теории является утверждение, что марксизм есть простой отпрыск идеалистической философии: «Историческое происхождение марксизма из гегельянства является ныне общим достоянием научного сознания»¹. За этим первым утверждением, весьма основательно извращающим вопрос о генезисе марксизма², как идеологии революционного пролетариата, следуют не менее бесстыдные извращения исторической истины, плохо прикрытая фальсификация марксизма. Разделавшись с вопросом о происхождении марксизма, Марк с не меньшей легкостью расправляется и с вопросом о характере и значении революционной материалистической диалектики: «Сознательное теоретико-познава-

¹ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus, 1922, S. 3.

² Здесь нет возможности излагать действительную историю возникновения марксизма; однако следует сказать, что даже в чисто философском отношении корни марксизма как научного коммунизма—в материализме, о чем говорит Марк в «Святом семействе». Действительно, немецкая классическая философия являлась одним из теоретических источников марксизма, но Марк умышленно забывает о радикальной переработке Марксом приобретений этой философии.

тельное обоснование диалектики в марксизме—не критическое и не гегельянское, но позитивистическое и наивно реалистическое. Маркс и Энгельс берут от диалектики со всей энергией ее динамически-эволюционную черту, но этот динамизм, который их приковывает к диалектике, не является предикатом ни мышления, автономного с точки зрения теории познания, ни некоей метафизической действительности. Напротив, движение приписывается эмпирической действительности, но не в смысле научно-анализируемого опыта, а в смысле видимого мира, как он представляется повседневному практическому сознанию»¹. Марк и здесь не особенно затрудняет себя доказательствами—его задача проще: как можно решительнее исказить и опозлить теорию марксизма. Поэтому он прямо переходит к вопросу об обосновании диалектики в марксизме и сразу же открывает, где лежит корень зла и материалистического грехопадения марксизма: в материалистической теории отражения: «Так называемое теоретико-познавательное обоснование диалектики в марксизме происходит таким образом в форме теории отражения»². Эта теория определенно не нравится представителю критической диалектики: «Она выбрасывает за борт не только абсолютный идеализм Гегеля, но в этой теории отражения исчезает всякий остаток методического критического идеализма, разум устраняется... не только как гегелевский «демиург действительности», но и как законодатель природы в смысле критицизма»³. Ясно, что такая дерзкая теория, которая в корне противоположна и абсолютному идеализму Гегеля и критическому идеализму Канта, «не стоит того, чтобы с ней бороться». Очевидно требуется что-то другое. Нужно разорвать марксистскую теорию на части, чтобы легче было справиться с каждой из них в отдельности. Этими частями являются исторический материализм как безобидная «социологическая теория» и философский материализм, который в глазах критического идеалиста не заслуживает даже опровержения: «Приравнивание так называемого исторического материализма у Маркса метафизическому материализму является ошибочным суждением о марксизме. Но понимание диалектики в смысле теории отражения представляет глубокий пункт марксистского философствования, которым оно соприскасается с наивным материализмом. Нельзя говорить о неправильном понимании в собственном смысле слова Марксом и Энгельсом гегелевской диалектики, скорее о перенесении ее на почву самой чуждой ей метафизики научного реализма»⁴.

¹ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus, 1922, S. 12.

² Там же, стр. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

Отмежевавшись таким образом от материализма Маркса, критический диалектик Марк делает на следующем этапе весьма важное открытие. Оказывается, в области политической экономики Маркс расстается со своим «наивным реализмом» и становится вполне приемлемым для критической философии «социологом». В самом деле, рассуждает Марк, Маркс ставит вопрос: «каковы условия общества, покоящегося на товарном производстве?»: «Эти условия, — разъясняет критический диалектик, — не причинно детерминированные (каузальные), а логические условия, которые делают понятным смысл определенной эпохи товарного производства... Логические условия товарного производства суть «категории объяснительной социологии» в смысле Макса Вебера, и здесь «разумно-целесообразное поведение» хозяйствующих субъектов положено в основу познания в качестве «идеального типа»¹.

Произведя таким образом обработку Маркса под Макса Вебера, Марк, удовлетворенный результатом своего методологического фокуса, с самодовольством заявляет: «Маркс постоянно подчеркивает применяемый им методический идеализм, не сознавая всей противоположности этого методического идеализма его позитивистическо-материалистической теории отражения»².

Было бы ошибкой думать, что здесь перед нами предел наглости критического философа. Ему требуется превратить Маркса не просто в идеалиста, а в «критического» кантианизированного идеалиста. Для доказательства этого тезиса Марк прибегает к весьма несложному приему. Во всех случаях, когда ему приходится иметь дело с теми категориями политической экономики, где с особой яркостью выступает значение диалектического метода в обнаружении двойственной природы товара (потребительная и меновая стоимость), в единстве и противоположности производства и потребления, абстрактного и конкретного труда и т. д., Марк объявляет эти противоположности раз навсегда данными, соотносительными, или «коррелятивными» понятиями. Само собой разумеется, что при этом представитель критической диалектики вынужден переходить на позиции вульгарной политической экономики. Для него не существует двойственной природы товара. Весь вопрос в точке зрения: «Потребительный характер товара выступает в его отношении к покупателю, меновой характер — в отношении к продавцу». Поэтому и не может быть вопроса о противоречии. Вместе с этим отпадают и все остальные противоречия политической экономики, и метод Марк-

са объявляется «псевдодиалектическим»: «Его логическим ядром остается и здесь (именно в «Капитале». — В. П.) подлинная критическая диалектика, мысль о коррелятивном соотношении основных категорий»¹. Другими словами, в основе метода Маркса лежит «изначальный дуализм» коррелятивных понятий.

Трудно конечно допустить, что Марк не понимает или сам не замечает производимой им фальсификации. Он достаточно хорошо знаком с работами Маркса и с его диалектико-материалистическим методом. Развернуть перед своими читателями этот метод, беспощадную марксову критику идеализма было бы опасно. Поэтому основным приемом Марка является замалчивание марксовской критики всякого идеализма и систематическое извращение Маркса с целью превращения его в критического идеалиста.

После теории познания марксизма и метода политической экономики приходит очередь материалистического понимания истории. И здесь, по Марку, дело обстоит весьма просто: Маркс в своей критике капитализма повторяет Руссо, но излагает его теории гегелевским языком. Вот только в учении о государстве Маркс, оказывается, не сумел полностью удовлетворить запросов «критической» философии. Поэтому здесь потребовалась помощь Кунова и Реннера: «Заслугой неомарксистского направления под руководством Кунова и Реннера является вскрытие противоречий этой марксистской теории государства и подчеркивание положительной стороны государства для марксистского социализма»².

Таким образом Маркс обработан под критического идеалиста, а там, где это оказалось затруднительным, марксизм попросту заменен соглашательской теорией³.

Следующим приемом в извращении марксизма является противопоставление Марксу Энгельса, который в глазах социалфашизма, и в особенности его новейшего поколения, является главным виновником в деле неприемлемого для «критической» философии «перенесения диалектики на материалистическую почву» и автором зловредной теории отражения.

«Отход от Гегеля, — сокрушается Марк, — был произведен Энгельсом уже в той форме, что на место идеи как демиурга действительности были поставлены наши представления как отображения реальности. Это теоретико-познавательное положение должно якобы находиться в соответствии с естествознанием. Диалектика становится также теоретико-познавательной перифразой основной современной естественнонаучной идеи — идеи

¹ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus, 1922, S. 19.

² Там же.

³ В чем состоит эта теория государства и как она смыкается с фашистской концепцией государства, показано дальше — в разделе пятом.

¹ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus, 1922, S. 14.

² Там же.

Развития. Взаимопроникновение противоположностей, разложение всякого окостенелого мыслительного построения, переход количества в качество иллюстрируются на примерах, взятых в большинстве случаев из области органического естествознания. В связи с этими обоими мотивами диалектический процесс в познании рассматривается как отображение реального процесса и развития в природе. Историческая диалектика есть специальный случай этого общего принципа, исторический материализм—подвид общего диалектического материализма¹.

Приведенная цитата может служить образцом тонкой фальсификации. В самом деле, на первый взгляд может показаться, что здесь имеется адекватное изложение взглядов Энгельса. Разве Маркс не утверждал (с чем, конечно, полностью был согласен Энгельс), что идеальное—не демиург действительности, а лишь «переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

Весь смысл этого приема «критического» диалектика заключается в ловком устранении вопроса о том, что же именно является для Маркса и Энгельса «демиургом действительности». Поэтому он и не упоминает о материи, которая в силу внутреннего самодвижения развивается по диалектическим законам и творит тем самым действительность. Поэтому у Маркса выпадает и понятие об общественном человеке и его революционно-практической деятельности и о практике как существнейшем элементе диалектики—как теории познания.

Таким приемом Марк подготавливает материал для дальнейшего извращения марксизма, для доказательства тезиса об идеалистическом характере метода Маркса и пассивно-созерцательном характере теории отражения Энгельса.

Не чувствуя за собой способности подвергнуть критике действительный диалектический материализм Маркса и Энгельса, Марк подменяет его более или менее тонкой фальсификацией.

Все это необходимо представителю субъективного идеализма, чтобы обосновать разрыв между природой и обществом и отделить диалектический материализм, отождествляемый им с естественнонаучным материализмом, от исторического материализма.

Продлав работу превращения марксизма в «критический» идеализм, отделив Энгельса от Маркса, Марк ставит своей задачей преодоление ленинизма, посвящая этому делу статью «Ленин так теоретик» (точнее—как гносеолог).

Главным виновником возникновения «вульгарной диалектики» опять-таки является Энгельс, который будто бы ввиду за-

нятости Маркса дал свое изложение диалектики, расходящееся со взглядами Маркса. Здесь «критический» философ дает свою глубокомысленную концепцию возникновения материалистической диалектики: «В извилистом пути развития Маркса от «Критики гегелевской философии права» до экономической системы дело как раз-то и не дошло до построения самостоятельной методологии, которая планировалась им как всеобъемлющая диалектика. Таким образом вместо первоначальной марксовской диалектики приходится обращаться к резюмирующей интерпретации ее Энгельсом, который отчасти сознательно популяризирует мысли, отчасти невольно их упрощает»¹.

Правда, эта концепция стоит в самом очевидном противоречии с историческими фактами, так как любой грамотный человек, который только начал знакомиться с марксизмом, не может не знать, что «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Коммунистический манифест» были написаны Марксом и Энгельсом совместно, что «Анти-Дюринг» Энгельса был полностью одобрен Марксом, что «излагаемый здесь (т. е. в «Анти-Дюринге») метод и мировоззрение в значительнейшей своей части был обоснован и развит Марксом» (Энгельс). Но какое дело фальсификатору марксизма до этих фактов? Для доказательства расхождения Маркса и Энгельса ему необходимо забвение неприятных фактов и извращение всех действительных концепций материалистической диалектики. Приступая к борьбе с материалистической диалектикой Ленина, Марк продельывает следующую очередную фокус для одурачивания доверчивых читателей, а именно—объединение в одну философскую школу Ленина с Бухариным и с Дебориным:

«На основе этого изложения (т. е. изложения Энгельса.— В. П.),—сообщает Марк,—развились некоторая *вульгарная диалектика*, которая была канонизирована официальным коммунизмом (Ленин, Бухарин, Деборин). Она выступает в качестве диалектического материализма в тесном контакте с естественнонаучным материализмом и с «критической» теорией отражения»².

Упростив таким образом свою задачу и смешав воедино материалистическую диалектику Ленина с механистическими и позитивистическими теориями Бухарина, с меньшевистствующим идеализмом Деборина, Марк приступает к «научному» опровержению материалистической диалектики и особенно ненавистой ему теории отражения.

Борьбу с ленинизмом, с ленинским обоснованием философии диалектического материализма, теоретик социал-фашизма ве-

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, B. I, S 120.

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, B. I, S. 120

² Там же.

дет яростно, прекрасно понимая смертельную опасность материалистической диалектики для неокантианской и всякой иной схоластики. Он начинает с пренебрежительной квалификации опубликованного в 1927 г. на немецком языке «Материализма и эмпириокритицизма» как «неинтересного в философском отношении труда»: «Если бы,—говорит он,—философский труд Ленина появился теперь на немецком языке анонимно, то не оказал бы никакого действия. В нем усмотрели бы ученую специальную работу одаренного большой полемической силой, но неинтересного в философском отношении русского автора, который проявляет исключительное усердие, занимаясь порядочно устаревшими ныне вопросами и затрачивающего много остроумия для защиты примитивной догматической теории познания»¹. Уже это вступление показывает, что автору приходится начинать с «догматического» опорочивания ленинской философии и утверждать вещи, не соответствующие истине. В действительности появление книги Ленина на немецком языке вызвало громадный интерес, в частности именно в философских кругах, которые вопреки мнению Марка вынуждены интересоваться этой книгой и пытаться ослабить ее неотразимые аргументы против идеализма и его махистской неопозитивистической формы².

Дальше Марк обосновывает свои соображения тем обстоятельством, что философия Авенариуса и Маха, которую Ленин делает предметом своего анализа, в настоящее время уже не имеет будто бы никакого актуального значения: «Философия Авенариуса и Маха, к которой относятся эти «Критические замечания об одной реакционной философии», не занимают ныне ни естественников, ни философов в качестве актуальной проблемы. Она принадлежит истории, и неомахизма не может существовать уже в силу того, что сама эта философия возобновила старые мотивы греческой софистики, Беркли, Шопенгауэра»³. И в этом отношении Марк резко расходится с истинным положением вещей, так как значительные круги современных естественников с такими видными представителями во главе, как творцы теории относительности, теории квант и волновой механики, в своих философских построениях всецело находятся в круге идей махизма. Да кроме того Марку не может быть неизвестен факт существования «союза Эрнста Маха», развивающего активную деятельность в области философии, а

Не будучи в состоянии опровергнуть ленинскую теорию отражения, Марк предпочитает попросту отделаться от нее путем квалификации ее как «вульгарной философии» и противопоставления ей точки зрения критического идеализма: «Фактически диалектика в понятиях существования и реальности может быть обнаружена лишь тогда, если с самого начала исходить из точки зрения теоретико-познавательной имманентности, из той «коперниковской» точки зрения, которая понимает вещь только как проблему, разрешаемую *внутри* понятия познания, а не как некоторую вне познания лежащую непроблематическую данность»¹.

Нетрудно видеть, что эта «коперниковская» точка зрения не выводит мыслителя за пределы умозрения и абсолютно не дает ему никаких сведений о свойствах действительных вещей, реального, независимого от сознания мира. Познание замыкается внутри созданных самим мышлением понятий и ни при каких условиях не в состоянии выйти за их пределы.

Как возник сам мыслящий субъект, откуда взялись определенные «способности» интеллекта, как исторически возникали «категории мышления», откуда интеллект черпает свое содержание, какая связь этого содержания с реальным, независимым от сознания субъекта внешним миром—на все эти вопросы у критического идеалиста нет ответа. Он довольствуется рамками своего бесплодного умозрения, утешаясь тем, что самая неспособность разума выйти за свои пределы и перебросить мост к реальному миру вещей создает внутреннее напряжение и «диалектическое» беспокойство мысли: «Только с этой исходной точки зрения (т. е. с точки зрения «вещи как проблемы внутри сознания».—В. П.),—продолжает разъяснять Марк,—превращается в *диалектическую* проблему переходящая за границы познающего сознания трансцендентность действительности, не устраняемая и критическим идеализмом. В существе познания лежит то, что оно остается замкнутым внутри себя и вместе с тем стремится вырваться за свои пределы, к действительности»².

Таковы поистине убийственные результаты саморазоблачения критического идеалиста. Действительно, что может быть прискорбнее картины сознаний, бесплодно пытающегося прорваться к действительности и именующего свои безнадежные потуги диалектикой? Само собой разумеется, что такая обреченность разума на бесплодие имеет совершенно определенный классовый смысл. Именно здесь осуществляется в первую оче-

¹ S. Marck, Lenin als Erkenntnistheoretiker, «Kampf», 1928, Н. 10.

² Укажем например на статью Ph. Frank в журн. «Die Naturwissenschaften», 1928, Н. 8; на журн. «L'Information sociale» 1928; журн. «Monistische Monatshefte» 1928; журн. «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», 1928.

³ S. Marck, цит. соч.

¹ S. Marck, Lenin als Erkenntnistheoretiker, «Kampf», 1928, Н. 10., S. 486.

² Там же, стр. 487.

редь задача: обречь разум на бесплодие, чтобы расчистить путь религиозной метафизике.

Поэтому Марка особенно беспокоит боевой антирелигиозный характер ленинской философии, поэтому он всячески стремится выставить в неприемлемом для своего читателя виде борьбу с религиозной идеологией: «Сокровеннейший нерв ленинского философствования—это борьба против всякой религиозной идеологии. Из ненависти к ней он исповедует научную идеологию, даже веру в естествознание. Марксистский скепсис по отношению ко всякой идеологии приостанавливает у него свое действие перед идеологией естественного научного материализма, так как он усматривает в ней надежнейшее целебное средство против какой бы то ни было возможности возрождения религиозной идеологии. Всякая антиматериалистическая философия, но прежде всего философский идеализм являются для него подозрительными в смысле своей надежности в антирелигиозном отношении».

«Критический» диалектик забывает о тех «поразительных чертах родства» с теистической диалектикой, т. е. попросту с поповщиной своей собственной критической философии. «Критический» диалектик никак не может примириться с ленинским тезисом о партийности философии, о неразрывной связи между гносеологией и классовой позицией. «Философия для коммунизма,—язвительно замечает Марк,—столь же мало может быть частным делом, как и религия». Для Марка такая позиция объяснима только в качестве фанатического ослепления; его пониманию совершенно недоступна мысль, что эта ленинская непримиримость есть теоретическое выражение непримиримого антагонизма между пролетариатом и буржуазией, выражение сознания и воли класса, революционно преобразующего мир. Поэтому его объяснения не выходят за пределы доводов из области индивидуальной психологии. «Ленинскую критику познания в ее мотивах можно понять лишь в том случае, если привлечь его откровенные заявления по религиозным вопросам, например из писем к Горькому. Там всякое «богоискательство» клеймится как духовная «некрофилия» (труположество), всякое кокетничанье с идеей божества характеризуется как «несказанная пошлость». К таким выпадам ненависти против веры в бога способен лишь атеизм, превратившийся в религию». Таким путем Марк надеется ослабить силу ленинского тезиса о том, что всякий идеализм есть прямая, откровенная или прикрытая поповщина. Он вынужден признать боевой целеустремленный характер ленинской философии, но всячески отгораживается от такой позиции, так как она срывает маску соглашательства, прикрывающегося «научным объективизмом». «Он

(т. е. Ленин);—по признанию Марка,—как политический мыслитель, так же как и гносеолог, всегда *стратег*. Он ведет войну на каждой странице своего труда. И он ведет ее со всей решительностью и беспощадностью, которая стремится уничтожить противника.—Как в политике, так и в философии, для него существует лишь система «двух классов», он признает «либо-либо», черное или белое, идеализм или материализм. Эти философские направления отвечают для него делению на буржуазию и пролетариат. В борьбе против религиозной веры критика познания для него есть часть классовой борьбы. Так же как и в политике, ожесточеннейшим образом преследуется ересь в собственном лагере. Идеализм есть философский классовый враг, философия буржуазии; эмпириокритицизм представляется как философский меньшевизм, помогающий этому врагу. Поэтому он должен быть уничтожен прежде всего»¹.

Не приходится удивляться, что такая позиция, «вненаучная, всецело мировоззренческая и фанатическая», по выражению «критического» социал-фашиста, приводит в ужас представителей профессорской благовоспитанности, врачей капитализма и «дипломированных лакеев поповщины».

¹ S. Marck, Lenin als Erkenntnistheoretiker, «Kampf», 1928, Н. 10.

IV. ЗИГФРИД МАРК КАК СИСТЕМАТИК «КРИТИЧЕСКОЙ» ДИАЛЕКТИКИ

Основоположник и систематик «критической» диалектики начинает свой труд, как и полагается всякому добропорядочному буржуазному профессору философии, с тщательного изложения и критического анализа философских течений, от которых отмежевывается или к которым примыкает «критическая» диалектика. Несомненно, что всякая новая философская теория непосредственно примыкает к своим предшественницам в положительном или отрицательном смысле и не в этом лежит основной порок историко-философской методологии Марка. Характерной особенностью ее является то обстоятельство, что на протяжении более чем трехсот страниц двух полутомов первого тома основного труда «марксистского» философа при разборе до десятка философских течений и при критике воззрений нескольких десятков представителей буржуазной философии нет и намека на классовый анализ, на вскрытие классовых корней философии и на отыскание действительных причин поворотов и смены философских течений. Замечательно, что Марк не вскрывает классовых корней философии не только в отношении буржуазной философии, но и в отношении философии марксизма, которая для него представляет собою просто одну из разновидностей «философской мысли». Отсюда его поразительно «глубокомысленные» соображения о связи между марксизмом и теологией. «Сила диалектического мотива в современной духовной жизни,—размышляет он,—проявляется также в том, что он выступает на первый план одновременно как в спекулятивной философии религии, так и в непосредственно практической социологии. Диалектика перебрасывает даже мост между христианской теологией откровения и социологией марксизма, которые в остальных отношениях должны бы иметь собою мало общего». Сделав такое открытие, Марк уже смело вступает на этот мост между те-

ологией и «марксизмом»: «Религиозный социализм Тиллиха показывает при этом возможность перехода между двумя этими умственными течениями». Нет никакой необходимости доказывать здесь, что эта надклассовая позиция имеет совершенно определенный классовый смысл. Суть его неоднократно демонстрируется Марком, но уже не в философских трудах, где его классовые устремления выступают в завуалированной форме, а в его политических произведениях, где ему приходится волей-неволей говорить о своих классово-политических целях.

В своем основном философском произведении «критический» диалектик витает в «надклассовом» царстве чистой мысли; здесь он имеет дело лишь с умственными течениями и их имманентным логическим анализом. Он—в полном соответствии со своим идеалистическим мировоззрением—и не помышляет о вскрытии земных корней анализируемых им философских учений и в предисловии к своему произведению недостатком своим готов признать лишь недостаточную полноту охвата всего обширного материала. Его задача—выработка «критической» диалектики путем критики «антидиалектического критицизма и диалектического антикритицизма».

«Противоположностью *критической* диалектики,—говорит он,—является спекулятивная; в качестве противоположного полюса *критической диалектики* является недиалектический критицизм. «Посредине» этих противоположностей, с которыми она граничит по обоим направлениям, расположена критическая диалектика»¹. Следует заметить, что это расположение философии Марка посредине между противоположностями—не простой продукт его индивидуальных наклонностей. Вся его философская позиция находится в полном соответствии с его классовой позицией, что сказывается на каждом шагу в любом его определении, в любой «корреляции». Противоречия, по Марку, не могут быть уничтожены, и хотя он прямо об этом не говорит, но этот взгляд является гносеологическим выражением убеждения в вечности капитализма с присущими ему противоречиями. На философском языке это воззрение выражается в следующей четкой форме, приданной ему самим автором критической диалектики: «Всякому сведущему человеку ясно, что смысл критической диалектики заключается во *взгляде о неуничтожаемости противоположностей в философском основоположении и в сохранении*, а не «снятии» противоречия в результате»².

Само собой разумеется, что с этой позиции для Марка неприемлема не только материалистическая диалектика, которая

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, B. II, S. 89

² Там же, стр. III.

считает противоречие внутренним импульсом движения и разрешение непримиримых противоречий видит в качественном скачке, в революционной практике. Он просто пренебрежительно отмахивается от нее как от «вульгарной философии». Для него неприемлема и диалектика Гегеля, которой он уделяет полное внимание. Гегелевская диалектика так тесно спаяна с его системой, аргументирует Марк, что от нее она не может быть отделена, а так как система Гегеля есть абсолютный идеализм, то она должна быть отвергнута, как отвергается абсолютный идеализм кантовской дуалистической философией. «Эта спекулятивная диалектика как таковая», — говорит Марк, — «либо должна быть принята целиком, либо вовсе отвергнута»¹.

Эта дилемма разрешается представителем критической философии в сторону полного отказа от гегелевской диалектики, причем основным мотивом этого отказа является тот довод, что диалектика у Гегеля тесно спаяна с системой, которая представляет собой теологическую спекуляцию и мистицизм. Если однако не удовлетвориться этим декларативным заявлением Марка (выше было приведено достаточно доказательств близости «критической» диалектики к теистической метафизике), а задаться целью обнаружить действительные мотивы отказа от диалектики, то легко можно обнаружить, что они лежат в совершенно иной плоскости. Для критической философии неприемлема гегелевская философия не потому, что она представляет собой идеализм, а потому, что она есть «объективный идеализм». Отказ от гегелевской мистики и от «пьяной спекуляции», отказ от мистифицирующей формы его диалектики должен был привести и исторически привел к материализму. Рациональным зерном гегелевской философии, спасенным, по словам Энгельса, от разгрома идеализма и гегельянства, была сознательная диалектика, которая была материалистически переработана основоположниками марксизма. Для представителей критической философии этот путь заказан. Для них опасно иметь дело и с гегелевской диалектикой в целом. Поэтому они намерены ее использовать в виде отдельных обломков после взрыва гегелевской философии, причем эти обломки должны в свою очередь подвергнуться субъективно-идеалистической переработке: «Многообразные, несомненно конвергирующие к идеальному единству отдельные диалектики должны стать плодотворными для нас путем взрыва гегелевской системы. С этой точки зрения только обломки связанной с системой диалектики (System-Dialektik) в новой связи, — причем в их отделении от системы они уже не означают того же, что внутри ее, — могут стать элементами методической диалекти-

¹ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, B. II, S. 89.

ки»¹. При каких же условиях могут быть «плодотворно» использованы эти «побочные продукты» гегелевской философии новым поколением неокантланцев? Только при условии безоговорочного признания субъективного идеализма, только при условии ограничения всего философствования рамками мышления субъекта. Марк самым обстоятельным образом разбирает положения объективного идеализма и противопоставляет им свою субъективную позицию: «Критическая диалектика очерчивает свою область границами, которые получали свое предварительное и проблематическое определение в формуле «наше мышление». Поэтому для «критической» диалектики совершенно неприемлемо гегелевское положение о самодвижении, так как оно трактуется о самодвижении предмета как о самодвижении понятий. «Для Гегеля содержание познания заранее есть «продукция» духа; для абсолютного идеализма предмет познания по своей природе тождественен с абсолютным сознанием, поэтому его содержание обладает способностью рефлексии. Так как абсолютное сознание само создает свой предмет, самый предмет целиком имеет структуру сознания. Предмет сам становится мыслящим и рефлектирующим, поэтому абсолютный идеализм может говорить о душе содержания».

Всю эту «пьяную спекуляцию» абсолютного идеализма в корне разоблачил Маркс; «Для Гегеля, — говорит Маркс, — процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург действительности, представляющий лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное»².

Демиургом действительности (поскольку речь идет об обществе) для Маркса является общественный человек и его революционная практика.

Само собой разумеется, что гениальное преодоление абсолютного идеализма диалектическим материализмом Маркса неприемлемо для «критического» диалектика, облыжно именующего себя марксистом. Он избирает другой путь. Вместо преодоления абсолютного и объективного идеализма он пятится назад — к субъективному идеализму, в котором он видит единственное спасение от «грубого» материализма и от «вульгарной» теории отражения. Но возвращаясь к субъективному идеализму, он вместе с тем вынужден возвратиться и к кантовскому дуализму. В самом деле, если ограничить философствование «нашим сознанием», то откуда же берется его содержание, каким образом

¹ S. Marck, Die Dialektik..., B. II, S. 90.

² К. Маркс, Капитал, т. I. Послесловие ко 2-му изд., 1923, стр. XLVII.

в сознании оказывается и сознание и его предмет, субъект и вместе с тем объект? Из этой трудности Марк надеется выбраться при посредстве ничем не обоснованного «аподиктического» утверждения «изначальной корреляции» предмета и сознания.

«Надо занять позицию по отношению к спекулятивно-метафизическому пониманию процесса между сознанием и предметом. Мы должны поэтому сосредоточиться на этом пункте, так как на нем можно разъяснить и положительные отношения развитого критицизма к диалектике... Безостаточному слиянию сознания и предмета может быть лишь противопоставлена очевидность—самой в себе покоящейся и не нуждающейся ни в каком дальнейшем доказательстве—*изначальной корреляции* (ur-phenomenalen Korrelation) сознания и предмета»¹. Замкнувшись в этом «данном в опыте» соотношении сознания и предмета, «критический» диалектик может в дальнейшем беспрепятственно заниматься самыми утонченными схоластическими размышлениями о том, что корреляция дает возможность углубиться в вопрос о длительном взаимоотношении «между мотивом предмета и мотивом процесса (познания)», утешаться тем, что хотя таким путем никогда нельзя прийти к цели, зато можно «бесконечно двигаться по этому пути», причем абсолютно неизвестно, какие же положительные результаты могут получиться от этого занятия. Конечное сознание, внутренний опыт приводит к заключению относительно своей ограниченности, но, утешается субъективный идеалист, сознание ограниченности есть уже переход через границу: «Конечно, мышление границы означает уже ее переход,—размышляет Марк,—но в смысле бесконечного пути, а не в смысле осуществленного достижения лежащей в бесконечности цели»². Получается теоретико-познавательная формула философского ревизионизма, вполне аналогичная формуле политического ревизионизма: «цель ничто, движение все». Отмежевываясь от объективного идеализма Гегеля и отвергнув один за другим основные законы диалектики, Марк вынужден поставить пред собою вопрос, какие же основания для того, чтобы продолжать именовать метод критической философии диалектическим. Ответ на этот вопрос дается в туманной форме, но все же в том определенном смысле, что о диалектике может быть речь только как о диалектике самосознания.

«Остаются ли вообще в критической диалектике—могут спросить,—при отклонении этих основных идей (т. е. идей гегелевской диалектики.—В. П.)—мотивы гегельянства?.. Ответ на этот вопрос должен быть следующий: сохраняется диалектика

самосознания и вместе с ней диалектика процесса познания, диалектический мотив в мышлении в целом и диалектическая функция перехода через противоречие к достигнутому результату мышления»¹. Не следует при этом забывать, что в этом результате мышления никоим образом не «снимаются» изначальные противоположности предмета и сознания, «корреляция» этих и значальных понятий не только в исходном пункте, но и в конечном результате. Начав с дуализма, критический идеалист заканчивает дуализмом. Каким образом при этих предположениях может идти речь о диалектике, да еще о монизме,—это остается на совести критического философа. Выход из затруднения у него чисто вербальный—дуализм называется монизмом: «Критический монизм есть монизм корреляции, а не монизм слияния противоположностей»², заявляет он. Другими словами, его «монизм» представляет собою попытку устранить источник кантовского дуализма («вещь в себе») посредством окончательного перехода на позиции субъективного идеализма с «добавлением субъективной диалектики (своего рода переход от Канта к Гегелю через Фихте, но не в классической, а в эшгонской форме).

Отмежевываясь от гегелевской философии, Марк, как было ясно из предыдущего, полемизирует с элементами объективного в гегелевской философии, и в этой форме он борется с материализмом и материалистической диалектикой. Вступать в активную борьбу с материализмом философскими аргументами он и не решается, прикрывая свое бессилие игнорированием и замалчиванием материализма. О материализме он говорит лишь там, где он борется с «вульгарной» теорией отражения, и в тех случаях, когда он пытается провести грань между Марксом и Энгельсом. Здесь же, где идет речь об изложении своей собственной философии в положительной форме, Марк считает вполне достаточным показать место своей критической философии среди идеалистических философских течений. За пределами идеализма для него нет философии.

Свою «критическую диалектику» он называет «монадологически оформленным критицизмом и платонизмом». «Этой формулой,—говорит он,—критическая диалектика отграничивается от платонизма, примитивного критицизма, монадологии и прежде всего от гегельянства».

Что же характеризует «критическую диалектику» в отличие от «примитивного критицизма», по свидетельству одного из основоположников этой новой философии? Уничтожение резкой противоположности между психологией и теорией познания,

¹ S. Marck, Die Dialektik., B. II, S. 95.

² Там же.

¹ S. Marck, Die Dialektik... S. 96.

² Там же, стр. 100.

между логизмом и психологизмом, что было характерно для прежней стадии неокритицизма. «Определенная психологическая теория,—заявляет Марк—не только сопровождает всякое философское учение о сознании, но и вообще нельзя отделять друг от друга философской и психологической теории сознания... Философия и психология должны действовать совместно в борьбе за разрешение великой проблемы, вокруг которой в конечном счете концентрируются все эти (т. е. философские) стремления: вокруг *проблемы данного*»¹. К этой центральной проблеме критической философии присоединяется другая столь же центральная проблема—это «вопросы индивидуального и «я». Оба эти последних вопроса «образуют в основе один вопрос», именно—проблему личности, относительно которой критический философ выдвигает далеко не новое утверждение, что она, т. е. эта проблема, «приводит в движение подлинные глубины нашего схваченного в мыслях времени». «В качестве точки пересечения проблемы содержания и проблемы «я», индивидуального и индивидуальности, в центральном пункте между ними выступает проблема данного»². По этой линии протягиваются нити от обслуживающего теоретические потребности социал-фашизма «критической» диалектики к чисто фашистской философии «жизни», к философии «существования». («Existenzphilosophie»).

Что же такое это «данное», один из краеугольных камней новой формы неокритицизма? По Марку, который впрочем в этом неоригинален, а целиком примыкает к рассуждениям другого неокантианца³, здесь налицо диалектическая проблема. «Форма» бытия стоит в противоречии к неоформленному чистому данному. А все-таки это «данное» может стать отличным от «ничто»—в качестве «нечто»—лишь при соединении «данного» с упомянутой формой бытия. «Антиномия данного,—продолжает он,—есть форма проявления основной антиномии смысла и бытия. Бытие, которое выступает сначала как предпосылка, должно превратиться в результат благодаря неразрывному сплещению с формой и смыслом»⁴.

Через оболочку этой вновь придуманной терминологии просвечивает хорошо знакомое кантовское учение об опыте и чувственности, материале опыта, который однако представлял бы собой некоторый хаос, «распосодию чувств», если бы не оформлялся при помощи присущих интеллекту априорных форм созерцания (пространство и время) и категорий рассудка.

¹ S. Marck, Die Dialektik..., B. II, S. 100.

² Там же.

³ Johannes von Malotki, Das Problem des Gegebenen, 1929.

⁴ S. Marck, Die Dialektik... B. II, S. 100.

Вся новизна этого построения заключается в том, что вводится понятие «пограничного отношения», которое не является ни онтологическим, но и ни чисто гносеологическим отношением. «Данное независимо от сознания и все же постижимо лишь по отношению к сознанию». Это пограничное отношение, по Марку, обладает диалектической природой, что выражается в следующей формуле: «Независимость от сознания постижима лишь как отношение к нему, данность означает данность «для» (некоторой точки отсчета) и независимость «от» этой соотнесенности»¹.

Несмотря на все эти словесные ухищрения, дело по существу нисколько не меняется, так как никакое «отношение» не изменяет того факта, что для неокритицизма, как и для Канта, существует трансцендентная «вещь в себе» и имманентное содержание сознания. Дальнейшие рассуждения автора, к которому примыкает Марк, только подтверждают это положение: «Отношение, которое здесь устанавливается, протекает не между двумя различными терминами одной и той же области, но в качестве пограничного отношения перебрасывается от некоторой точки одной области (сознания) к некоторой точке другой («трансцендентное сознанию»)»². Но, добавляет Марк, это «данное», ставшее членом «пограничного отношения», уже не остается неизменным, его нельзя уже считать попросту «трансцендентным данным».

Чтобы показать отличие «данного» от кантовской трансцендентной «вещи в себе», Марк апеллирует к новой науке, к «психологии мышления» (Denkpsychologie), которая должна разрешить все трудности и противоречия кантовской теории познания.

Каковы же результаты этого сближения теории познания и психологии? В чем заключается роль критической психологии мышления для разрешения проблемы «данного»? Марк формулирует эти результаты в следующих выражениях: «Результаты критической психологии мышления мы можем теперь в систематической форме свести к тому, что *данность определяется через инварианты переживания*»³.

Таким образом весь прогресс по сравнению с Кантом заключается в том, что, выбрасывая кантовскую трансцендентную «вещь в себе», Марк окончательно выбрасывает и тот элемент материализма, который заключался в построении Канта. Субъективный идеализм торжествует по всей линии. «Категориаль-

¹ S. Marck, Die Dialektik..., B. II, S. 100.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 102.

ные формы переживания» должны разрешить все трудности: «Посредством них преодолевается дуализм формы мышления и содержания мышления и выключается хаос многообразия ощущений... Многообразие предмета познания поэтому не представляет собою хаоса, так как предмет как сущность формы познания уже конституирован благодаря своей мыслимости»¹. Предмет окончательно превратился в предмет мысли, материалистический его привесок отброшен окончательно, и теперь беспрятственно можно заниматься схоластическими размышлениями относительно «диалектического процесса» между «данным» в предположении (в начале познания) и «данным» в результате (в конце познавательного процесса): «Рациональное оформление многообразия и вместе с тем дальнейшая его оформляемость осуществлена на основе тождества понятия предмета и понятия осуществления познания (Erkenntnisvollzug)»².

Таким образом завершается круг развития «критической» диалектики. Выступая против философии тождества объективного идеализма Гегеля, неокритицизм возвращается к философии тождества на основе субъективного идеализма. Все дальнейшие рассуждения критического философа направлены к тому, чтобы еще и еще раз доказать то положение, что «предметность эквивалентна мыслимости».

В своем движении вспять от объективного идеализма Гегеля Марк дошел до Канта, но на нем не остановился. На понятном пути пройден уже ряд этапов. Несмотря на категорические заявления Марка об его отрицательном отношении к эмпирическому идеализму Беркли, сам он подходит к берклианству при посредстве своей «психологии мышления» и начинает говорить языком эмпириокритицизма вопреки его собственному утверждению о том, что эта философия устарела, что «неомахизма не может быть». Особенно ярко сказывается смычка «критической» философии с эмпириокритицизмом в вопросе о соотношении субъекта и объекта, «я» и предмета. Отгораживаясь от «спекулятивного реализма», т. е. объективного идеализма, Марк видит опасность впасть в другой вид метафизики и отождествить «я» и предмет. Что же его избавляет от этого искушения. Понятие «возможности», которое должно уяснить разницу между философией «корреляции» и философией тождества: «Я» является элементом определения предмета, но лишь по своей возможности (чем это хуже «принципиальной координации» эмпириокритицизма? — В. П.) т. е. надо, чтобы была возможность соподчинить понятие «я» понятию предмета»³. Вопрос об отно-

шении между «я» и предметом всегда может быть поставлен. Предмет не зависит от переживания. «Не переживание и предмет, — разъясняет Марк, — но понятие переживания и понятие предмета коррелятивно идентичны друг другу»¹. Следовательно, предмет существует сам по себе, но с ним «критическая» философия не желает иметь никакого дела. Ее интересует только понятие предмета, причем между самим предметом и его понятием нет решительно никакой связи. Иначе пришлось бы, пожалуй, признать правоту ненавистной субъективному идеализму «теории отражения». Лучше оставаться в царстве чистых понятий. Тогда можно быть обеспеченным от обоих видов метафизики и от «метафизики» абсолютного «я» объективного идеализма и от «метафизики» самодвижущейся действительности диалектического материализма: «Понятие переживания, — торжествующе заявляет Марк, — остается отличным от метафизической реальности некоторого абсолютного «я», понятие предмета — от некоторой движущей самое себя действительности»².

В своем стремлении отмежевать свою субъективную диалектику от объективной диалектики бытия и действительности, Марк считает необходимым подчеркнуть несогласие со своим соратником по социал-фашистскому извращению марксизма — Гербертом Маркузе, признающим «реальную диалектику исторического процесса». Маркузе ничем не отличается от Марка как в противопоставлении «идеалиста» Маркса «естественно-научному материалисту» Энгельсу, так и в искусстве клеветнического, извращения теории коммунизма. Отличие его от Марка заключается в том, что он диалектикой называет «способ существования самого существующего»³, и солидаризируется в этом вопросе с Г. Лукачем, который скатился на позиции гегелевского идеализма. Марк считает, что признание диалектичности исторического процесса возможно лишь либо в смысле «теории, отражения» либо в смысле гегелевского творения действительности идеями. Борясь с материализмом и не желая идти по пути объективного идеализма, можно прийти только к субъективному идеализму. Поэтому он считает необходимым особенно подчеркнуть свою исходную позицию: «Диалектика проистекает не из некоторой реальной историчности, но из самосознания, которое при этом следует понимать не как абсолютную реальность, но в корреляции с познанным им реальным»⁴.

¹ S. Marck, Die Dialektik., B. II, S. 105.

² Там же.

³ Herbert Marcuse, Zum Problem der Dialektik, «Die Gesellschaft» № 1, 1930.

⁴ S. Marck, Die Dialektik..., B. II, S. 170.

¹ S. Marck, Die Dialektik..., B. II, S. 101.

² Там же.

³ Там же.

Таким образом полная характеристика «критической» диалектики раскрыта самим ее основателем. Эта философия стоит в полном противоречии с материализмом и материалистической диалектикой; она отрицает гегелевскую диалектику в тех именно ее сторонах, где в ней содержится «рациональное зерно»; она находится в тесной внутренней связи с неогегельянским течением буржуазной философии как теоретической основы фашизации буржуазной идеологии; она не скрывает своих симпатий к «философии жизни» и философии «существования», сознательно развиваемой откровенной философией фашизма.

V. ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА «ЛЕВОГО» СОЦИАЛ-ФАШИСТА

Политический смысл философии Марка раскрывается в обосновании им всей политики социал-демократии как умеренного крыла фашизма. Заменяя закон отрицания отрицания как формулу революционного разрешения противоречий своим «коррелятивным» соотношением с отрицанием, он дает теоретическое обоснование идеи вращающегося капитализма в социализм, примирения пролетариата и буржуазии, сохранения буржуазного государства как вечной и надклассовой формы общества. Его синтез есть «коррелятивный» — синтез мирного сожительства противоположностей. Отсюда его теоретическая солидарность с философией фашизма под формой борьбы с фашизмом и критики его. Его симпатии к философии фашизма не только помимо воли философа обнаруживаются в его произведениях, но и подтверждаются его прямыми заявлениями: «философия настоящего времени, — говорит он, — стоит под знаком борьбы между защищаемой неогегельянством идеалистической установкой и течением, которое объединяется под термином «философия существования» (экзистенциальная философия)».

«Живой марксизм критически противопоставляет себя обеим борющимся группам. Однако ему есть чему поучиться у обеих, так как если идеалистическое обоснование политики ведет преимущественно к либеральным следствиям, а экзистенциальное — к фашистским, то такая борьба, естественно, в высокой мере затрагивает марксистское мировоззрение»¹.

Смысл этого заявления раскрывается, если сопоставить его со всеми основными тезисами социал-демократической политики. Это сопоставление обнаруживает тесную связь философии

¹ S. Marck, «Existenzphilosophische» und idealistische Grundlegung der Politik. «Die Gesellschaft» № 11, 1932.

и политики социал-фашизма. Задача философа социал-фашизма— проповедь «синтеза» «реформизма» и «радикализма» внутри социал-демократии для ограждения ее от распада и, с другой стороны, «синтез» с фашизмом. Само собой разумеется, что эта задача осуществляется при сохранении революционной фразеологии, без чего был бы совершенно безнадежен «левый» маневр.

Особенности этого маневра проявляются во всех вопросах политики, в вопросах о классовой борьбе, о всеобщем кризисе капитализма, о диктатуре пролетариата и особенно в вопросе о государстве, которому «левый» социал-фашист посвящает ряд своих работ как вопросу, стоящему в центре политической теории социал-демократии.

В интересах одурачивания масс дается сначала «марксистская» критика государства. Государство, говорит Марк, есть продукт господства над человеком стихийных сил развития общества: «Позади его трансцендентности кроется классовое деление общества, которым обуславливаются так же упомянутые хозяйственные законы. Государство—великан по отношению к общественно зависимому, но оно слабо по отношению к социально привилегированному. Оно скрывает своим фетишистским характером тот факт, что оно является инструментом социально привилегированных. Из идола управляемых и слуги социально господствующих внутри общества, распадающегося на классы, государство должно стать слугой бесклассового общества»¹.

Для поверхностного взгляда это—критика буржуазного государства, в действительности же это—форма борьбы с марксистской теорией слома буржуазного государства и отмирания государства на высшем этапе коммунизма. «Отмирание» государства в смысле уничтожения правового принуждения, — уверяет социал-фашистский теоретик, — немислимо и в социалистическом обществе, и именно в нем. Но, конечно, классовый характер этого правового принуждения подлежит устранению (как это особенно обстоятельно изложено М. Адлером)².

В этом вопросе, несмотря на всю словесную маскировку, обнажается родство «критической» философии с фашистской теорией государства: «наш тезис, — говорит Марк, — состоит в том, что государство принадлежит к формальным, поэтому неизменным понятиям всякой культуры, что оно в этом смысле некоторая вечная категория, или—лучше—представляет вневременно значимую ценность... Государственный идеализм, представляемый

нами, имеет корни в критической философии, которую мы рассматриваем как научную основу философствования и которой мы приписываем вечное содержание, относящееся к трансцендентально-формальным условиям всякого мышления и действия»¹.

Увлечшись этой задачей «марксистского» признания государства, Марк договаривается до полной солидарности с фашизмом, которую он уже не может и не хочет скрывать. Можно ли, спрашивает он, считать, что через современное классовое государство просвечивает «вечная идея» государства? И отвечает на этот вопрос утвердительно, причем полностью и целиком отказывается даже от марксистской фразеологии и развивает ничем не прикрытую фашистскую концепцию: «Реальность народного целого (Volkstum) по отношению ко всякого рода классовым подразделениям во всяком случае нельзя отрицать. Народность сильнее, чем класс просто потому, что она коренится в элементарном, в естественном, в то время как класс означает общественный, искусственный продукт. А вместе с тем и отечество как политическое выражение народности, национальное государство, в котором жизненная сила данного народа создает свою внешнюю форму, где жизненное сообщество (Lebensgemeinschaft) находит свое законное и организационное выражение, стремится создать свое тело в пространстве и продолжительность во времени, есть действительность, силу которой не может уничтожить никакой пролетариат»².

Как будто для того, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно подлинного характера этих фашистских рассуждений, Марк добавляет: «Наши мысли стремятся к синтезу черно-красно-золотого и красного»³.

Основная задача, преследуемая «левым» социал-фашизмом, — это непримиримая борьба с коммунизмом, маневрирование и левая фразеология с целью удержания социал-демократических рабочих от перехода в ряды коммунизма и неустанная работа по «синтезированию» «реформизма» и «радикализма». Об этих задачах «теоретики» «левого» крыла социал-демократии с цинической откровенностью часто проговариваются сами; достаточно поэтому обратиться к их собственным признаниям, чтобы пригвоздить их к позорному столбу как предателей рабочего класса. Вот как например разъясняет один из виднейших представителей «левого» крыла, Макс Адлер, «историческую функцию левого социализма». Защищаясь против упреков со стороны правых в радикализме и ставя в заслугу «левым» удержание социал-демократических рабочих от пере-

¹ S. Marck, Sozialdemokratie, Berlin 1932. S. 6.

² Там же.

¹ S. Marck, Marxistische Staatsbejahung, S. 30, 31.

² Там же S. 34.

³ Там же, стр. 38.

хода в ряды коммунистической партии, он говорит: «В свете этой постановки вопроса теряет всякий исторический смысл упрек; будто левое течение угрожает *единству партии*... Если все более значительные массы в немецкой социал-демократии испытывали отталкивание вследствие господствующей партийной политики, то всецело заслугой левого течения было то, что они не покинули уже давно партию. Чем сильнее левое течение *внутри* социал-демократии, тем в большей мере оно способно удерживать именно живые революционные элементы, и прежде всего молодежь, под знаменем партии»¹.

Углубление всеобщего кризиса капитализма, связанное с ним обострение противоречий буржуазного общества и ослабление влияния социал-демократии на массы побуждают социал-демократических вождей и теоретиков изыскивать меры сплочения социал-демократии, совершенствовать и усложнять свои маневры.

О задаче сплочения социал-демократии Марк не устает говорить: «Необходимость сохранения партийного единства и отклонение всякого обострения противоречий для меня,—заявляет он—всегда стояло вне дискуссии... Если оставить в стороне организационные соображения, для меня является основой аксиомой внутренняя связь «реформизма» и «радикализма» в социал-демократии. Синтез этих противоположностей возможен и необходим»².

Страсть к этого рода синтезам—его основная страсть, которая, по его собственному объяснению, проистекает из его примиренческой установки, именуемой им «диалектической»: «Установка диалектики в интеллектуальной области соответствует позиции «марксистского центра» в политике. Она направлена на синтез рационализма и иррационализма. В самом деле, иррационалистическая установка как правило связана с оппортунистическими, рационалистическая—с радикально-доктринерскими следствиями. Так же и там, где диалектический мыслитель сознательно решает вопрос в пользу той или иной позиции, так М. Адлер и Г. Лукач³—в пользу радикальной, Э. Гейман⁴ реформистской,—в деловом отношении сохраняется стремление к синтезу в философском, а также в политическом отношении»⁵.

¹ Max Adler, Die historische Funktion des Linksozialismus, «Der Kampf» № 2, 1932, S. 76.

² S. Marck, Sozialdemokratie, Vorwort.

³ Этот иудин поцелуй по адресу т. Лукача объясняется гегельянскими ошибками последнего, в результате которых «критический» идеалист принял его за своего соратника.

⁴ E. Heimann—религиозный социалист.

⁵ S. Marck, Sozialdemokratie, S. 66.

Таковы основные задачи «левого» социал-фашизма: травля коммунистов и клевета на коммунизм, оберегание социал-демократии от развала и всесторонние синтезы социал-демократической теории и политики с теорией и политикой буржуазии и фашизма, прикрытые левыми маневрами и революционными фразами.

Эти маневры были разоблачены XII пленумом ИККИ:

«Массовое влияние социал-фашистов,—говорит резолюция XII пленума ИККИ,—почти во всех странах уменьшилось, но тем усиленнее и многообразнее становятся применяемые им маневры (возглавление стачек для их обезглавливания, в отдельных случаях провозглашение даже демонстративных всеобщих забастовок, мнимая борьба против фашизма, за мир, в защиту СССР и т. д.). Особое усердие в этих маневрах проявляют «левые» социал-демократические группы при одновременном разрывании бешеной травли коммунистических партий и СССР. Только учитывая многообразные формы политики маневров социал-фашистов во всей их конкретности, коммунисты могут действительно разоблачить и изолировать этих последних»¹.

В поисках выхода из кризиса буржуазия делает свою последнюю ставку на фашизм, отводя при этом определенную роль и умеренному крылу фашизма—социал-демократии. Последняя как главная социальная опора буржуазии в рядах рабочего класса пужна в роли «оппозиции». Игра в оппозицию с целью удержания социал-демократических рабочих от образования несокрушимого единого революционного фронта с коммунистическими массами под руководством коммунистической партии—главный маневр социал-демократии, в особенности ее «левого» крыла.

Каждый новый этап в разворачивающихся боях пролетариата против буржуазии раскрывает глаза все более значительным слоям социал-демократических рабочих, приближая тот момент, когда социал-демократические рабочие массы окончательно поймут предательскую роль социал-демократической партии, отправят ее генеральный штаб, ее вождей и теоретиков как правых, так и «левых», в одну общую историческую мусорную яму.

¹ Из тезисов XII пленума ИККИ о международном положении и задачах секций Коммунистического интернационала.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Возрождение гегельянства в буржуазной философии	3
II. Философское мировоззрение Зигфрида Марка	8
III. Извращение и фальсификация марксизма—ленинизма	14
IV. Зигфрид Марк как систематик «критической» диалектики	28
V. Философия и политика «левого» социал-фашиста	39

БИБЛИОГРАФИЯ

к брошюре В. Познер. «Неогегельянская» разновидность социал-фашистской философии

Книги и статьи Зигфрида Марка

1. Erkenntniskritik, Psychologie und Metaphysik nach ihrem inneren Verhältnis in der Ausbildung der platonischen Ideenlehre. Inaugural-Dissertation (Breslau). 1911.
2. Kant und Hegel. Eine Gegenüberstellung ihrer Grundbegriffe. Tübingen, Mohr, 1917.
3. Imperialismus und Pazifismus als Weltanschauungen. Tübingen. 1918.
4. Hegelianismus und Marxismus. Berlin, 1922.
5. Die Geschichte der Philosophie. Band V: Das Jahrhundert der Aufklärung (Vom englischen Empirismus bis Kant) Leipzig und Berlin. 1923.
6. Philosophie des Revisionismus (в сборнике «Grundsätzliches zum Tageskampf, Festgabe für Ed. Bernstein, Breslau, 1925).
7. Marxistische Staatsbejahung, Breslau (1925).
8. Substanz- und Funktionsbegriff in der Rechtsphilosophie. Tübingen, Mohr, 1925.
9. Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart («Logos» 1926, Band XV, Heft I—Verlag von Mohr, Tübingen).
10. Reformismus und Radikalismus in der deutschen Sozialdemokratie. Geschichtliches und Grundsätzliches, Berlin, 1927.
11. Lenin als Erkenntnistheoretiker. «Der Kampf», 1918, № 10.
12. Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart. Erster Halbband, 1929. Zweiter Halbband, 1931 (Verlag von Mohr, Tübingen).
13. Ueberfaschismus? Betrachtungen zu H. Freyers «Revolution von rechts», «Die Gesellschaft», 1931, № 11.

14. A. Kranold von ethischen Inhalt (Rezension) 1931.
15. Sozialdemokratie (Pan-Verlag. Berlin, 1932).
16. «Existenzphilosophische» und idealistische Grundlegung der Politik («Die Gesellschaft», 1932, № 11).

Библиография о Э. Мархе

1. *Jonas Cohn*. Marck Siegfried. Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart 1. u. 2. Halbband (Kant-Studien. 1932, H. 1—2).
2. *F. Fogarasi*. Dialektik und Sozialdemokratie («Unter dem Banner des Marxismus», 1931, H. 3. Dezember).
3. *M. F.* Zum Parteikampf um Hegel («Unter dem Banner des Marxismus», 1931, H. 3. Dezember).
4. *Herbert Marcuse*. Zum Problem der Dialektik (Siegfried Marck, Dialektik in der Philosophie der Gegenwart) («Die Gesellschaft», 1930, № 1.)
5. *М. Митин* Гегель и теория материалистической диалектики (Партиздат 1932, стр. 14—17).
6. *М. Митин*, Классовая борьба на философском фронте. («Правда», 1931, 16 апр.).
7. *С. Лившиц*. О современной так называемой диалектической теологии («Воинствующий атеизм», 1931, № 7).
8. *М. Фурцик*. К физиономии и социальной сущности современного неогегельянства («Вестник Коммунистической академии», № 7—8, 1932).
9. *Г. Баммель*. Гегель и современная буржуазная философия. (Сборник к 100-летней годовщине смерти Гегеля. Гегель и диалектический материализм. 1932).
10. *А. Васильева*. Гегель и современный ревизионизм (Сб. «Гегель и диалектический материализм», 1932).